САВЕЛЬЕВ

ЛЕНИН и Октябр. Вооруж. Восстание

М. САВЕЛЬЕВ

ЛЕНИН И ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. САВЕЛЬЕВ

ЛЕНИН И ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Главлит А.—473. ГИЗ № 24.183. Тираж 7.000.

Тип. Всерос. Коопер. Изд. Союза КНИГОСОЮЗ, Москва, Б. Дмитровка, 26.

ЛЕНИН И ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ [1]).

Десятилетие Октябрьской революции знаменует собой историческую полосу величайшего мирового значения. Завоевание Октября—это величайшее завоевание не только российского, но и мирового пролетариата, так как Октябрьская революция, методы октябрьского восстания и уроки Октября являются исключительной сокровищницей дальнейшей борьбы мирового пролетариата за пролетарскую диктатуру, а существование нашего советского государства является действительным исходным пунктом грядущей мировой пролетарской революции.

Октябрь творился руками восставшего пролетариата и солдатских масс, при поддержке и сочувствии революционного крестьянства. Во главе

[1]) Основой настоящей брошюры является отдельный оттиск из журн. «Пролетарская Роволюция».

восстания стояла наша большевистская партия, с ее гениальным вождем—Лениным.

Мировой гений Ленина не только дал теоретическое обоснование восстания, развив и углубив марксову теорию восстания, развернув ее основные положения применительно к новой империалистической фазе общественного развития, обосновав теорию пролетарской диктатуры,—но и сыграл роль гениального кормчего в практическом проведении Октябрьской революции 1917 года, фактически руководя восстанием, формулируя основные стратегические и тактические лозунги партии.

Богатейший опыт Октября, на котором за истекшее десятилетие училась наша коммунистическая партия, усвоение которого является одним из необходимых условий большевизации рабочих масс Западной Европы и Америки, все еще использован недостаточно. В частности, мы не имеем до сих пор сколько-нибудь обстоятельной монографии, которая систематизировала бы взгляды Ленина на задачи Октябрьского восстания. Такая монография тем более необходима, что мы имеем ряд статей об Октябре, явно искажающих его подлинный смысл, в роде пресловутых «Уроков Октября» т. Троцкого, так же как и пошлости,

написанные насчет Октябрьской революции «теоретиками» социал-демократии (Отто Бауэр и т. д.).

Как известно, чисто внешние формы участия Владимира Ильича в революции, начиная с июльских дней и до самого момента захвата власти пролетариатом в Октябре были чрезвычайно неблагоприятны, если не сказать больше. В самом деле: в начале июля мы имеем, как известно, революционное выступление питерского пролетариата против коалиционного правительства, вслед за которым начинается разгул реакции, происходит разгром «Правды», арест большевиков. Ленин, по постановлению ЦК партии, уходит в подполье. В период 19(6)—24(11) июля Ленин скрывается в Петрограде у рабочего С. Аллилуева. 24(11) июля— он переходит к рабочему Сестрорецкого завода Н. Емельянову и живет под видом его работника вместе с т. Зиновьевым, в шалаше в поле близ ст. Разлив. В августе—сентябре (ст. ст.) он перебирается в Гельсингфорс, скрываясь у финского с.-д. тов. Ровио [1]). 13 октября (30 сентября) Ленин нелегально переезжает в Выборг. 2 ноября (20 октября) он покидает Финляндию и, ри-

—

[1]) В настоящее время коммунист.

скуя попасть в руки агентов Керенского, вновь приезжает в Петроград. Наконец, 7 ноября (25 октября) пробирается в Смольный, откуда непосредственно и руководит Октябрьским переворотом. Как видим, Владимир Ильич должен был почти на четыре месяца скрыться в подполье, почти все время жить в исключительно неблагоприятных условиях, рискуя быть в каждую минуту узнанным сновавшими повсюду шпиками Керенского и всякого рода добровольцами контр-разведки временного правительства типа пресловутого Алексинского. И вот, несмотря на все эти исключительно неблагоприятные условия, когда Владимир Ильич был лишен возможности даже получать свежие газеты и иметь правильную переписку, когда встреча с партийными товарищами представляла подчас целое предприятие,—несмотря на все это, из-под пера Владимира Ильича вышли исключительные по глубине и важности документы, в полном смысле слова дышащие переживаемым моментом, дававшие теоретическое обоснование Октябрьского переворота. Им были даны за это время в ряде писем важнейшие практические директивы о подготовке к проведению восстания и, благодаря его исключительному напору, была «выправлена», начавшая было колебаться в от-

ветственнейший момент, линия Центрального Комитета. Наличие лучших большевистских традиций, революционная закалка основного партийного ядра и колоссальный авторитет вождя партии, помогли нашему партийному активу в достаточной степени быстро «перестроить» мозги, восприняв «советы постороннего» [1]—как полуиронически, он называет одно из своих писем, вплотную и практически заняться самой энергичной подготовкой к восстанию. Можно представить себе то состояние Владимира Ильича, когда он, в ответственнейший момент истории партии большевиков, созидатель и многолетний вождь этой партии должен был оказаться на положении вынужденного «постороннего», отрезанного от ее пуповины и в то же самое время чувствующего всю ответственность за правильность ее тактической линии, требовавшей, применительно, к исключительной по своей сложности ситуации, крутых и решительных поворотов чуть не в 24 часа. Нужны были упорство и присущая Ильичу кипучая энергия, чтобы, пользуясь малейшими щелями, которые предоставлялись ему «режимом Керенского»,

---

[1]) Так озаглавлено одно из его писем, написанное 8 октября 1918 г. партийной организации.

доводить до партии свои гениальные письма и директивы [1]).

ЛЕНИН—КАК ТЕОРЕТИК ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ.

Уже в своих апрельских тезисах о задачах пролетариата в данной революции Ленин подчеркнул, что перед партией стоит задача: бороться за передачу власти в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства, организованных в советы. Но тогда же, считаясь с доверчиво-бессознательным отношением этих масс к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма, он подчеркивает, что «своеобразие обстановки требует от нас умения приспособиться к особым условиям

---

[1]) За время своего вынужденного перехода на нелегальное положение В. И. Ленин заканчивает свой труд «Государство и революция», пишет брошюры: «К пересмотру партийной программы». «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат-ли большевики государственную власть», затем целый ряд замечательных писем и статей, освещающих проблему восстания, в частности: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Кризис назрел», письмо ЦК, МК, тезисы для петербургской общегородской конференции, письмо т. Смилге «Советы постороннего», резолюцию о восстании, принятую нашей партией 10 октября, письмо к товарищам (разбор аргументов Каменева и Зиновьева после решающего заседания на Выборг. стороне, совместно с рядом ответственных товарищей), письмо к членам партии большевиков от 18 октября в ответ на выступление Каменева в «Новой Жизни».

партийной работы среди неслыханно широких, только что проснувшихся в политической жизни масс пролетариата»... Раз'яснение массам, что СРД есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок и тактики». Вот почему, по мнению Ленина, «пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок» [1])... Не ставя, таким образом, непосредственной задачей в тот момент захвата политической власти партией, Ленин ставил вопрос о мирном переходе власти в руки Советов рабочих, батрацких, крестьянских депутатов, а одну из серьезнейших задач партии видел в завоевании большинства в этих советах [1]).

Выдвинутый Лениным и партией с начала февральской революции, лозунг «переход власти в руки Советов» к моменту июльского выступления требует, однако, явного пересмотра, в связи с теми серьезнейшими сдвигами, которые намечают-

[1]) Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 18.

ся в развертывающейся классовой борьбе к этому времени, особенно считаясь с тем обстоятельством, что меньшивистско-эсеровские советы, добровольно уступившие свою власть временному правительству, после февральской революции, эту власть фактически теряют из своих рук и она концентрируется у «бонапартиста» в ковычках Керенского и военной контрреволюционной клики. Вот почему лозунг «вся власть советам», оставаясь правильным, как лозунг построения государства после победы пролетариата и после осуществления пролетарской диктатуры, является не верным, как лозунг перехода власти к данным конкретным меньшевистским советам, оказавшимся, по выражению Ленина, благодаря соглашательской политике меньшевиков и эсеров и предательству с их стороны завоевания революции, лишь пустым местом.

В своей статье «К лозунгам», написанной в июле пиред VI Партийным с'ездом, он пишет: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько

же, насколько «внезапно» был крутой поворот истории.

«Нечто подобное может повториться,—пишет он там же, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4 июля. Этот лозунг явно перестал бы быть верным теперь»...

... «Советы могут и должны появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов» [1]).

Поскольку «после 4 июля контрреволюционная буржуазия об руку с монархистами и черной сотней присоединила к себе,—по выражению Ленина,—мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующих-

[1]) Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 12—18.

ся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере — постольку лозунг перехода власти к советам звучал бы теперь «как донкихотство, или как насмешка». Выставлять этот лозунг в такой форме — это значило бы, по мнению Ленина, питать в массах иллюзию, «будто советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть, или постановить это для получения власти, будто в совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам,—будто можно бывшее сделать небывшим».

Особенность новой ситуации после июля заключалась именно в том, что власть нельзя было уже *мирно взять* «ее можно было получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и монархистов».

Так оценивал положение дел тов. Ленин в середине лета 1917 года и такую новую установку давал он для партийной стратегии и тактики. Вот почему VI с'езд, исходя из новой классовой ситуации, выдвигает в своих резолюциях, по докладу тов. Сталина лозунг вооруженного восстания пролетариата, долженствующего самостоятельно взять

в свои руки государственную власть. В резолюции VI с'езда было зафиксировано, что перед партией пролетариата революция ставит задачи борьбы с контрреволюцией, отстаивание всех завоеванных свобод и явочным порядком утвержденных прав, отстаивание всех массовых организаций и, в первую голову, совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также задачу сплочения вокруг себя, переходящих на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией. Мы видим, таким образом, что партия, примерно, к августу месяцу 1917 года уперлась в лозунг вооруженного восстания.

Был, правда, один момент, когда, по выражению Ленина, можно было бы рассчитывать на несколько иной путь развития революционных событий,—это ситуация, сложившаяся непосредственно после корниловских дней. Напуганные, слишком откровенно афишированным корниловским восстанием, значительные слои эсеров колебнулись, увлекши за собой на один момент и своего «кумира» Керенского. Отмечая этот новый изгиб поворота событий и подчеркивая настоятельность задачи захвата власти в руки пролетариата, т. Ленин, в статье «О компромиссах», отдавая дань своеобразию момента, пишет, что «при сложив-

шейся ситуации очевидно возможно предложить добровольный компромисс... мелко-буржуазным демократическим партиям эсерам и меньшевикам. Правда—«лишь, как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время...» [1]).

Насколько коротким оказался этот возможный компромисс с партиями эсеров и меньшевиков, гнивших на корню, показывает приписка к этой же статье «О компромиссах», сделанная Лениным и гласившая:

«Предыдущие строки писаны в предыдущую пятницу 1 сентября и по случайным условиям (при Керенском—скажет история—не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало, пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможно, тоже прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе и из партии эсеров и от эсеров и укрепится при помощи буржуа без эсеров, благодаря их

---

[1]) XIV том, ч. II, стр. 98.

бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, уже миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «запоздалые мысли»... иногда, может быть и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно».

Приведенные выше «запоздалые мысли» Ильича бросают, однако, чрезвычайно яркий свет на ту революционную ситуацию, которая начинала складываться с осени 1917 года. Колебнувшиеся на один момент партии мелкой буржуазии, испугавшиеся на одно мгновение надвигающейся в лице Корнилова открытой буржуазной реставрации, окончательно переходят в лагерь контрреволюции. Быстро тая в своем удельном весе, разоблаченные в глазах рабочих, солдатских и крестьянских масс, лишенные возможности осуществить даже самые скромные свои программные требования, они, чем дальше, тем больше, начинают терять своих сторонников, постепенно лишаясь всякого авторитета и влияния среди быстро отходящих от них масс. Насколько прав был Ленин в определении классовой сущности болтунов и марионеток из ВЦИК, всех этих Церетелли, Либерданов, Черновых, Савинковых и, наконец, самого «диктатора» Керенского, видно из целого ряда последующих пока-

заний деятелей контрреволюции, в частности, из воспоминаний того же Керенского. Вот как описывает этот неудачливый кандидат в Наполеоны свою позицию в период июльских дней: «5 июля было поднято в Петербурге большевиками восстание. Я был в это время на западном фронте, подготовляя там, вместе с генералом Деникиным, войска к наступлению, которое должно было начаться в один из ближайших дней. Получив телеграмму о событиях в Петербурге, я сейчас же выехал на фронт в Минск и потребовал, от имени армии, по прямому проводу от временного правительства самых решительных, в кратчайший срок, мер против бунтовщиков и предателей. Затем, с согласия командования, я бросил работу на фронте и сам поехал в Петоград, куда и приехал около 7 час. вечера 6 июля... Мое требование ареста Зиновьева, Ленина, Колонтай и т. д. встретило сначала некоторые колебания, благодаря возражению со стороны ЦИК СР и СД, представители коего по этому поводу явились во временное правительство.

В первом часу ночи все колебания прекратились и даже делегаты Совета сняли с очереди свои возражения. Но в это время чины штаба округа уже приступили к выполнению арестов. Между

прочим, председатель ЦК Балтийского флота был арестован непосредственно чинами моего военно-морского кабинета» [1]).

Тот же автор повествует в изданном им весьма сумбурном протоколе допроса его следственной комиссией по делу Корнилова о том, что «корниловское движение подготовлялось как-раз во время напряженнейшей борьбы государственно мыслившей и патриотически настроенной демократии с ее анархо-большевистскими элементами» [2]).

Итак, ситуация складывалась таким образом, что, с одной стороны, несмотря на попытки разгрома большевиков в начале июля, происходит быстрая консолидация всех революционных сил вокруг большевистских лозунгов. Неспособность Временного правительства и стоящих за ним партий разрешить ни одной проблемы, выдвинутой революцией, и хотя бы частично подойти к решению вопросов, прежде всего, волновавших массы: мира, земельного вопроса, решительной борьбы с разрухой и т. д., начинает форсированным темпом толкать широчайшие рабочие массы на путь восприятия идей большевизма, на путь организации их вокруг большевистской партии. Уже к моменту

[1]) А. Керенский. «Издалека», стр. 171.
[2]) А. Ф. Керенский—Дело Корнилова, стр. 76.

VI с'езда партия насчитывала около 250.000 членов, число которых к моменту переворота почти удвоилось. Растет все более решительный отрыв широких крестьянских масс от партии эсеров, причем в самой этой партии быстро начинает назревать жесточайший развал и консолидация левоэсеровских элементов, разочарованных в идее коалиции. В этом отношении характерным является подсчет голосов за и против коалиции с буржуазией на Демократическом совещании, имевшем место 25(12) сентября по куриям советов рабочих и крестьянских депутатов. По сделанным тов. Лениным расчетам было:

	за коалиц.	против
Советы Раб. и Солд. Депутатов. .	83	192
Советы Крестьянских Депутатов .	102	70
Все Советы .	185	262

Эта таблица с наглядностью показывает чрезвычайно важный процесс большевизации советов, являющийся характернейшим барометром нарастания реальной классовой силы на левом фланге при параллельном ослаблении влияния промежуточного соглашательского центра, удельный вес которого все падает, особенно быстро постольку, поскольку параллельно с усилением левого флан-

га начинает замечаться процесс и консолидация крайне правого—партий буржуазной контрреволюции, мобилизующих свои силы сперва под эгидой Корнилова, а затем, после ликвидации корниловской авантюры, концентрирующейся отчасти вокруг ставки, отчасти вокруг разного рода войсковых офицерских организаций, кадетской партии, советах с'ездов промышленников и т. д. Политика керенщины — это политика прикрытия пустозвонной фразой буржуазной контрреволюции, которая спешно мобилизует свои силы против большевизма, ищет нового Корнилова, дабы в обстановке новой колоссальной контрреволюционной провокации иметь возможность разбить наголову большевизм. Параллельно производится решительная подготовка форсированной сдачи наступающей германской армии самого Петрограда [1].

Наконец, во второй половине сентября назревает чрезвычайно усиливающаяся новая полоса крестьянских восстаний, постепенно охватывающих сплошным кольцом громадную полосу тогдашней Европейской России. «В крестьянской

[3]) Относительно подготовки военной интервенции со стороны германского командования говорит также, по словам тов. Ленина, чрезвычайно характерный по своей подозрительности факт сдачи немецкому командованию Риги и острова Эзеля со стороны русского командования.

стране,—говорит Ленин,—при революционном, республиканском правительстве, которая пользуется поддержкой партии эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет крестьянское восстание.

Это невероятно, но это факт» [2]).

Мы не говорим уже о продолжающемся глубоком падении дисциплины в армии как на фронте, так и в тылу, нежелающей больше умирать за грязные интересы империализма, армии, быстро воспринимающей лозунги большевизма, своими отдельными выступлениями и голосованием в Советы и учредительные собрания, демонстрирующей растущую большевизацию. Такова приблизительно обстановка середины сентября и начала октября, которая требует ясной программы действий нашей партии, ставит перед ее вождем, т. Лениным, основной вопрос о захвате партией пролетариата политической власти.

Теоретически вопрос о захвате власти борющимся пролетариатом является не вызывающим никаких сомнений. Еще на I с'езде советов Ленин открыто заявлял, что партия большевиков готова

[1]) Ленин, «Кризис назрел». Собран. сочин. том XIV, ч. II, стр. 262.

взять политическую власть в свои руки. Это принципиальное положение тов. Ленин подтверждает в своей брошюре, написанной им в конце октября «Удержат ли большевики государственную власть», где он говорит: «Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще,—а партия передового класса в особенности— не имела бы права на существование, была бы недостойной считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть [1]).

Если бесспорным являлось положение о том, что политическая партия пролетариата должна была в середине 1917 г. во весь рост поставить перед собой проблему власти, то далеко не ясным остался вопрос,—каким путем эту власть можно взять и удержат ли большевики вообще государственную власть? Все эти основные вопросы, поставленные перед партией и революцией, были Лениным теоретически с полнейшей диалектической ясностью развернуты, продуманы до самых своих последних выводов. По всем этим вопросам Лениным были с исключительной силой марксист-

---

[1]) Ленин, «Удержат-ли большевики государственную власть». Собр. соч. т. XIV, ч. III, стр. 217.

ской деалектики формулированы ответы. Партия получила этим самым мощное оружие в своей дальнейшей борьбе за социалистическую революцию. Насколько трудной являлась задача формулировки основных партийных директив о неизбежности и близости восстания, показывает, с одной стороны, тот значительный разброд отдельных партийных мнений среди тогдашней организации. Правда, для всех было ясно колоссальное наростание противоречий обострения кризиса. Но как пойдет этот кризис, куда растут пути революции—этот вопрос вызывал большую разноголосицу. Отдельные т.т. считали, что революция вообще должна будет замкнуться рамками осуществления буржуазно-демократических требований. Ставили ставку на Учредительное собрание, рассчитывая в лучшем случае на сильное левое оппозиционное крыло большевистской партии, фактически ставили ставку на парламентаризм. Другие, правда, ставили вопрос о победе пролетариата и его партии в данной революции, но отодвигали этот процесс чуть ли не на годы, и лишь некоторые, казалось, беспочвенные оптимисты готовы были видеть форсированное развертывание событий. Большое смущение вызывал вопрос о роли предстоявшего в октябре II с'езда Советов, который, по мнению

отдельных товарищей, должен был, как бы, на блюде, преподнести власть пролетариату. Большое недоумение возбуждал и вопрос об Учредительном собрании, «додержаться» до которого, казалось, для некоторых является первейшей задачей большевиков.

Ленин с самого начала резко отгородился от подобного рода революционных иллюзий... «Нет ни малейшего сомнения,—пишет он в брошюре «Кризис назрел»,—что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв УС, «ожидания» с'езда Советов и т. п.,—нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу» [1]).

Его мысль о назревающих силах для восстания шла иным путем. Верный ученик Маркса, он следующим образом формулирует подход марксистов к вопросу о восстании в момент, поскольку созрели об'ективные предпосылки для постановки этого восстания в порядок дня. Он пишет:

«К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями

[1]) Ленин, «Кризис назрел». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 98.

принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм»...

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.»[1]).

Этим самым вопрос о восстании был передвинут из области плоских сопоставлений и гаданья на кофейной гуще на широкую дорогу диалектического подхода к развертывающимся событиям, где на весы исторического предвидения кладется не только сухой анализ фактов, определяющих наличие революционного кризиса, но и привносится два новых дополнительных фактора громадного значения, определяемых положением «восстание, как искусство», именно, намечается выбор на-

[1]) Ленин, «Марксизм и восстание». Собр. соч., т. XIV, ч. 2. стр. 133—136.

иболее подходящего момента для восстания, и дается оценка революционной активности масс, побеждающих сопротивление противостоящего им врага. Вот как описывает эти моменты т. Ленин в статье «Марксизм и восстание»:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа—это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в ряде слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это—в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма»[1]).

Но имелись ли налицо при тогдашней революционной обстановке все вышеуказанные три необ-

---

[1]) «Марксизм и восстание», Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 136 Как далека формулированная, таким образом, задача подготовки восстания от той клеветы на т. Ленина, которая допущена была т. Троцким в его герострат вски знаменитом предисловии «Уроки Октября», где он пытается Ленину навязать мысль, будто бы он в подготовке к восстанию исключительно ориентировался на осуществление его через партийный заговор.

ходимые предпосылки для совершения величайшего в мире Октябрьского восстания? Теперь, задним числом, не только после Октября, но и десятилетней диктатуры пролетариата, само собой не может быть и спора в том, что эти предпосылки были. Но в тот момент это требовалось доказать и лишь железная логика Ильича могла победить и убедить колеблющихся и маловеров (и то не всех, как это мы имеем на примере т.т. Зиновьева и Каменева).

Учитывая переломный момент в истории нарастающей революции, отчетливо сознавая громадную важность беспрерывно идущей большевизации масс и большевизации совета рабочих и крестьянских депутатов, сугубо подчеркивая значение для организации восстания и овладения со стороны большевиков Московским и Петроградским советом рабочих и крестьянских депутатов, прикидывая ко всем этим фактам резкий перелом в настроении московского и петроградского гарнизонов в сторону большевизма и те поразительные успехи, которых добилась партия в избирательной кампании в Учредительное собрание и выбора в думы, наконец, принимая во внимание ширящуюся аграрную революцию и определенный отход от соглашательских партий разо-

чаровавшихся в них,—благодаря руссофильской политики — национальных организаций, — Ленин смело формулирует необходимость скорейшего захвата власти, скорейшего назначения восстания, поскольку промедление в этом деле «смерти подобно».

Поставленный на практическую ногу вопрос о восстании заставил т. Ленина уточнить роль и значение восстания, роль нашей партии в деле организации восстания, и вновь пересмотреть и конкретизировать применительно к новой ситуации вопрос о лозунге «вся власть Советам».

Поскольку Советы, бывшие недавно в руках соглашательских партий, коренным образом меняют свой лик после завоевания их большевистскими массами, они вновь приобретают громадное значение, как органы революции, а, следовательно, и как органы захвата борющимся пролетариатом власти. Вот почему в письме о лозунгах т. Ленин пишет: «Весь опыт обеих революций, как 1905, так и 1917 г., а равно и все решения партии большевиков, все ее политические заявления за много лет сводятся к тому, что Совет рабочих и солдатских депутатов реален лишь, как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи советы пустая игрушка, неминуе-

мо приводящая к апатии и равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов».

И далее, «надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на с'езд Советов, отказаться от предвзятой мысли, непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на раз'яснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичные Совета и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного собрания (т.-е. подделкой Учредительного собрания), правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «власть Советам» и политически опозорили бы себя, как партия революционного пролетариата» [1]).

Так стоял вопрос в отношении Советов в этот новый момент углубления революции, когда Советы вновь становятся опорными пунктами для захвата власти в руки восставшего пролетариата. Мы имеем, таким образом, налицо фактическое отожествление лозунга перехода власти к Советам с лозунгом вооруженного восстания, поскольку переход власти к Советам означает теперь,—как от-

---

[1]) Ленин, «О лозунге вся власть Советам». Собран. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 268 - 269.

мечает это т. Ленин в статье «Советы постороннего», — на практике вооруженное восстание.

Если лозунг «вся власть Советам» в этот новый период развития революции дает прямую директиву организации и подготовки восстания, опирающегося на советы, то само собой это менее всего значит, что Ильич, тем самым в какой бы то ни было степени снимает ответственность за подготовку вооруженного восстания со стороны партии и ее руководящих органов. Вот почему вся установка т. Троцкого, определенно замалчивающего в своих «Уроках Октября» революционную роль партии, ее революционное руководящее значение в восстании, является совершенно неправильной. В той же статье о лозунге «вся власть Советам» Владимир Ильич со всей энергией подчеркивает: «Задача взятия власти Советами есть задача успешного восстания. Поэтому *все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и казармы* (курс. наш М. С.), чтобы раз'яснять массам их задачи и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского» [1]). Мы видим, как связывает тов. Ленин вопрос о взятии власти и органи-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 268.

зацию успешного восстания с самой активной работой партии в массах на фабриках и заводах.

Но восстание—есть восстание. Оно требует соответствующей материальной подготовки. Требует создания органов восстания, требует наличия физической силы. Еще в статье к лозунгам, написанной непосредственно после июльского поражения пролетариата, Ленин указывает: «Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем—как писал Фридрих Энгельс. Теперь это—юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это—реальная власть. Церетелли и Черновы—министры без власти, министры—куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это—факт» [1]).

Также реально подходил к делу т. Ленин и в период, непосредственный перед Октябрем. Со всей решительностью и со всей ответственностью он ставит перед партией вопрос о попытках со сторо-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т XIV, ч. 2, стр. 16.

ны Керенского и буржуазии концентрации контрреволюционных военных сил в Ленинграде. В письме к товарищам указывает он и на некоторые другие факты, могущие изменить соотношение сил не в пользу пролетариата и его партии: «Буржуазия не только в силах сорвать Учредительное собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и косвенно достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано фактами, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и в целом, если рабочие и солдаты не свергнут ее»[1]).

Вот почему Ленин так торопил наш ЦК «налечь» на восстание. Рискуя собственной головой, перебирается он в Питер, с исключительным вниманием выслушивает все расчеты о тех вооруженных силах красно-гвардейских и гарнизонных, которыми мы можем располагать и, следуя революционным заветам Маркса, с такой настойчивостью обращает внимание наших партийных органов на необходимость отнестись к восстанию, как к искусству, искусству организации военных сил, искус-

---

[1]) Ленин, «Письмо к товарищам». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 275.

ству, по возможности, внезапного и всестороннего нападения на врага.

Таков был подход В. И. Ленина к Октябрьскому восстанию, который сочетал в себе глубочайший анализ того, что есть с анализом движущих сил революции, покоющегося на революционной теории марксизма. Этот подход, в полной мере, учитывал необходимость связи политических лозунгов (лозунга «О восстании», «Вся власть Советам» и т. д.) с глубоким практическим реализмом в оценке тех материальных предпосылок, которыми располагают и могут располагать партия и восставший пролетариат в период восстания. Сочетание курса на самые широкие революционные рабочие и крестьянские массы с максимальной организованностью, максимальной технической подготовкой к восстанию партии, как руководящего головного отряда восставшего пролетариата,—вот что требовал Ленин.

В заключение необходимо еще раз отметить, какое большое революционизирующее значение в деле успешного восстания Владимир Ильич придавал крестьянским резервам революции, учитывая полностью, как настроение солдатских масс, разрыв их с соглашательством, так и развертывание крестьянских восстаний, отказ переводой наиболее революционной части крестьянства от «коалиции».

Как недооценивает и как вульгализирует эти же факторы в своей книжке тов. Троцкий! В самом деле, ведь, по его словам выходит, что мы просто использовали для Октябрьского переворота нежелание солдат итти на фронт. «Временное правительство,—пишет он в Уроках Октября,—хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели итти на фронт, мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель «легальное прикрытие» [1]). В отношении провинции (а, очевидно, и крестьянства) дело обстояло, оказывается, еще проще. Вот как описывается им Октябрьский переворот в провинции: «Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в феврале, она повторила это в октябре». Никакого анализа эволюции крестьянства и армии в сторону большевиков нет. Есть лишь хитроумный план Петроградского Совета, то бишь т. Троцкого, и равнение провинции по Петрограду! Так, оказывается, пишется история Октября!

---

[1]) См. Л. Троцкий, соч. т. III, «Уроки Октября», стр. Л1.

ЛЕНИН И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ.

Было бы полным искажением действительности представлять себе дело таким образом, что В. И. Ленин только подвел теоретический базис под октябрьское восстание, что само это восстание, вся его практическая проработка и подготовка шла помимо его или, как утверждают некоторые (см. т. Троцкий) пошла совсем не тем путем, какой намечал первоначально сам т. Ленин.

Ленин всегда был в нашей партии великим практиком, умевшим гениально связывать теоретические построения с практическими выводами. Это как нельзя более правильно в отношении всего предоктябрьского периода. В самом деле, как развертываются события и как реагирует на них Владимир Ильич?

Судя по имеющимся в наших руках замечательным по своей глубине и гениальной интуиции письмам и, в частности, двум первым письмам: «Большевики должны взять власть» (письмо в ЦК, ПК и МК РСДРП) и «Марксизм и восстание» (письмо в ЦК РСДРП), Владимир Ильич окончательно решает, что мы подошли осенью 1917 г.

вплотную к задаче восстания приблизительно в середине сентября 1917 г.

Интересно отметить, что насколько эти письма встретили неподготовленную еще почву даже в самом ЦК, показывает тот факт, что большинством шести голосов против четырех, при шести воздержавшихся, ЦК постановляет эти письма Ильича, трактующие о восстании, сохранить только в одном экземпляре.

Вот как изображен этот момент по протокольной записи заседания ЦК от 15 сентября 1917 г. [1]).

«Решено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов.

Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание ЦК.

Ставится на голосование вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За—6, против—4, воздержалось—6.

Тов. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию:

ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, при-

---

[1]) «Пролетарская Революция» 1917 г. № 10, стр. 246.

зывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу. ЦК вместе с тем обращается к тов. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии.

Резолюция отвергается.

В заключение принимается постановление:

Членам ЦК, ведущим работу в военной организации и в ЦК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах».

Несмотря на то, что первое голосование вопроса о восстании приводит к тому, что письма Владимира Ильича остаются некоторое время как бы под спудом, центральный комитет очень скоро в своем большинстве переходит на точку зрения т. Ленина, а железная логика Ильича с полной ясностью, анализируя все шансы за и против восстания, доказывает, что кризис назрел и что 99% за то, что, выступив в настоящий момент, мы не только победим, но сумеем удержать власть.

Какие основные доводы выдвигаются им в пользу успешности восстания? Подробно разби-

рая доводы за необходимость выступления, как в вышеприведенных письмах середины сентября, так и в последующих письмах и статьях, относящихся к концу сентября и началу октября старого стиля [1]), т. Ленин формулирует целый ряд важнейших моментов, определяющих успешность восстания; именно: 1) общее международное положение, 2) большевизация Советов, и, в первую очередь, Московского и Петроградского, 3) перелом настроения в пользу большевиков в армии, 4) волна крестьянских восстаний и революционный захват помещичьих имений, 5) острый конфликт армии железнодорожников и почтовых служащих с правительством Керенского.—Все это на фоне большой передвижки настроения широких народных масс в сторону большевиков (рост голосов партии большевиков в районные и городские думы, выборы в Учредительное собрание и т. д.).

Если все перечисленные моменты относятся к плюсам восстания, то есть целый ряд других моментов, по мнению Ленина, которые требуют форсирования восстания и которые связаны непосредственно с тактикой врага. Они заставляют нас

---

[1]) Мы имеем в виду здесь статью «Кризис назрел», письмо в ЦК и МК РСДРП, тезисы о предпарламенте и о лозунге «Вся власть советам», письмо к И. Т. Смилге, «Советы постороннего».

возможно торопиться с восстанием. Какие же это моменты? Это: 1) намерение, имеющееся в некоторых влиятельных правительственных кругах сдать Петроград немцам и вообще возможность общего сговора «Родзянки с Вильгельмом» о сепаратном мире, 2) концентрация контр-революционных сил в ставке, 3) стягивание юнкеров дикой дивизии и пр., в Петроград, в целях подготовки военного «кулака» для расправы с большевиками, 4) провокация масс со стороны капиталистов путем угрозы голодом и усилением разрухи.

Создавшееся положение и нерешительность ЦК заставляет Владимира Ильича поставить вопрос о восстании на заседание центрального комитета в его личном присутствии. 23 (10) октября в историческом заседании центрального комитета, после доклада Ленина, принимается коротенькая резолюция, написанная Владимиром Ильичем о восстании. В виду особой важности этого заседания, приводим ниже конспект речи Владимира Ильича, как он сохранился в протоколах, конечно, не претендующий на полную и точную формулировку его мыслей:

«Слово получает (Ленин).

Констатирует, что с начала октября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Ме-

жду тем, это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, повидимому, время значительно упущено.

Тем не менее, вопрос стоит очень остро и решительный момент близок.

Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами.

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям.

Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. (16—18) 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш под'ем идет гигантскими шагами.

Абсентеизм и равнодушие масс можно об'яснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами.

Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом кре-

стьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем, мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит, усложнять нашу задачу.

(Северным) областным с'ездом (Советов) и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий».

После обсуждения предложений Владимира Ильича, принимается большинством всего центрального комитета (+10) против Зиновьева и Каменева, резолюция Ленина о восстании, которая и становится отправным пунктом наших партийных организаций по практической подготовке вооруженного восстания.

Вот текст этой исторической резолюции:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление наростания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуа-

зии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.),—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступление москвичей и минчан и т. д.)».

С этого момента начинается лихорадочная подготовка нашей партии, и, в первую очередь, питерской организации к фактическому проведению восстания. Усиливается работа военки, идет проработка вопроса в районах и в заводских ячейках, определенный курс на восстание берет центральный орган партии («Рабочий Путь») соответствующим образом развертывается работа вокруг советов. 22 (9) октября пленум Петроградского Совета, по предложению большевиков, решил организо-

вать Революционный Комитет Обороны, задачей которого являлось формально воспрепятствовать выводу революционных войск гарнизона из Ленинграда, но фактически об'единить и сорганизовать все верные большевикам силы петроградского гарнизона. Наконец, ближе к моменту восстания особым постановлением от 29 (16) октября ЦК выделяется партийный военно-революционный Центр в составе: т.т. Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского, которому и поручается руководство по военно-техническому проведению восстания.

Мы видим, таким образом, что вопрос о восстании был поставлен т. Лениным на глубоко-практическую ногу, им была учтена необходимость всесторонней подготовки восстания, а ленинский ЦК, после принятия резолюции, ведет эту подготовку, ориентируясь на комбинацию всех тех организационных сил, которые имелись в распоряжении партии, втягивая в восстание всю ту широчайшую рабочую и солдатскую массу, которая за восстанием шла.

В заключение необходимо опровергнуть одно утверждение о том, как заявлял впоследствии Троцкий, что будто бы восстание в том смыслс, как его мыслил Ленин, оказалось ненужным, по-

скольку это восстание было произведено «тихой сапой» со стороны петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем которого был тогда Троцкий.

Еще в своей статье, написанной в середине сентября—«Марксизм и восстание», Владимир Ильич следующим образом рисует картину успешного проведения восстания. Он пишет:

«А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центру города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.» [1]).

Разве в общем и целом картина возможного

[1]) Собр. соч. Ленина, том XIV, ч. II, стр. 140.

восстания, нарисованная Владимиром Ильичем, не явилась отвечающей действительным событиям, разыгравшимся приблизительно спустя полтора месяца после того, как эти строки были написаны? Слов нет, Ленинградский Совет явился могучей организующей силой восстания, о чем, впрочем, совершенно категорически писал и сам Ленин, подчеркивая значение советов рабочих депутатов перед октябрем, как органов восстания. Но можно ли было говорить о каком-то «мирном» завоевании власти, можно ли было недооценивать силы классового врага? Можно ли было, наконец, не ориентироваться на костяк большевистских партийных военных ячеек в районах по фабрикам и заводам? Конечно, нет. И совершенно правильно явился предварительный подсчет военных сил, верных большевизму и восстанию, который проведен был ЦК на одном из предпоследних заседаний ЦК нашей партии. Баланс этот, проверенный всесторонне, вызывал тогда, как известно, большие колебания. Вот как изображается он в докладе тов. Бокия, сделанном на заседании ЦК от 29 (16) октября:

«Тов. Бокий—от ПК. Сообщает по районам:

Васильевский остров—боевого настроения нет, боевая подготовка ведется.

Выборгский район тоже, но готовятся к восстанию; образован военный совет; в случае выступления массы поддержат. Находят, что начать должны верхи.

1-й Городской район. Настроение трудно учесть. Красная гвардия есть.

2-й Городской район. Настроение лучше.

Московский район. Настроение бесшабашное, выйдут по призыву Совета, но не партии.

Нарвский район. Стремления выступить нет, но упадка авторитета партии нет. На Путиловском заводе усиливаются анархисты.

Невский район. Настроение круто повернулось в нашу пользу. За Советом пойдут все.

Охтенский район. Дело плохо.

Петербургский район. Настроение выжидательное.

Рождественский район. Тоже, сомнение, выступать ли, усиленное влияние анархистов.

Пороховой район. Настроение улучшилось в нашу пользу.

Шлиссельбург. Настроение в нашу пользу».

Если картина в общем и целом получалась благоприятная, то отдельные моменты настроения отдельных районов вызывали сомнения. Вот почему точно также было бы большим упрощением недо-

оценивать решительного столкновения 25 октября, отделываясь фразами, что уже с момента отказа от вывода части гарнизона со стороны Петроградского Совета рабочих депутатов, восстание на три четверти было уже проведено. Насколько иначе к этим вопросам подходил Владимир Ильич, показывает ряд его писем и, в частности, его письмо к т. Смилге, где он пишет: «кажется единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках, и что играет серьезную военную роль—это финляндские войска и балтийский флот... Вам надо... не терять времени на «резолюции», а все внимание отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ними всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозке войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.

Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого, с прекрасными резолюциями и с советами, но без власти!!».

Вот как ставил вопрос Ленин, справедливо боясь остаться с советами, но без власти.

Вот почему он так усиленно подчеркивал неце-

лесообразность откладывать восстание до созыва II с'езд Советов, успокаиваться на том, что именно II с'езд Советов обеспечит большевикам, так сказать, легальным порядком эту власть. Как известно, эта точка зрения Ленина, уже отмеченная нами в предыдущих выдержках из его писем, целиком подтвердилась, власть была захвачена в руки восставшим пролетариатом под руководством партии и Петроградского Совета до созыва II с'езда, который, так сказать, фиксировал уже то, что есть.

Насколько серьезно готовилась контр-революция и Керенский к разгрому большевиков, показывают те лихорадочные, правда, в значительной степени противоречивые и совершенно непродуманные мероприятия, которые предпринимались временным правительством для подавления «анархо-большевистской» смуты. Вот что пишет, например, Керенский про эти дни: «Около 20 октября (ст. ст.) начали большевики осуществлять в С.-Петербурге свой план вооруженного восстания для свержения временного правительства во имя «мира, хлеба и скорейшего созыва учредительного собрания»... Со своей стороны правительство готовилось к подавлению мятежа, но не рассчитывая на окончательно деморализованный корниловской авантюрой С.-ПБ гарнизон, изыскивало другие

средства воздействия. По моему приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в С.-ПБ войска и первые эшалоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24 октября. В то же время полк. Полковников, командующий войсками С.-ПБ округа, получил приказ разработать подробный план подавления мятежа».

Вот как описывает, правда, всячески иронизируя над военными «талантами» Керенского, положение вещей генерал Краснов, которому первый, как известно, вручил командование армией, наступавшей со стороны Гатчино в октябрьские дни... «Не прошло и трех дней после того, как Керенский взял на себя бразды правления в армии и флоте, как он почуял более сильную опасность слева—со стороны большевиков... Как ни странно это было, но за первой помощью Керенский обратился к тому самому 3-му конному корпусу, который шел арестовать его».

Дальше идет следующее картинное описание концентрации наиболее «надежных» войск.

«1 сентября (ст. ст.) к Пскову собрались Приморский драгунский и Уссурийский казачий полки и стали разоружаться и расходиться по деревням: драгуны в большем порядке, уссурийцы в порядке относительном. Все остальные части были повер-

нуты обратно и направлены на Псков, а 2-го сентября в 8 часов вечера за мною экстренно приехали ад'ютант начальника штаба фронта и привез меня в штаб. Мне передали шифрованную телеграмму от Верховного Главнокомандующего Керенского о том, что в виду возможности высадки немцев в Финляндии и беспорядков там, необходимо сосредоточить 1-ую Донскую дивизию в районе Павловск—Царское, штаб в Царском, а Уссурийскую дивизию в Гатчино—Петергофе, штаб в Петергофе. Каждый из нас, уже по самой дислокации корпуса, понимал, что беспорядки в Финляндии и высадка немцев это тот фиговый листок, которым прикрывались настроения Смольного института и открытая пропаганда Ленина в войсках Петроградского гарнизона».

Несомненно, делу успешности вооруженного восстания в значительной степени помогли те серьезные трения, которые имели место между отдельными элементами контр-революционных сил, в частности, сил военных. Дезорганизация военного аппарата вконец задохнувшейся керенщины и наростание элементов более правых, шло усиленным темпом. Разочаровавшись бесповоротно в марионетке-Керенском, господа реставраторы судорожно искали нового «диктатора»... пока больше-

вистское победоносное вооруженное восстание, возглавляемое Лениным, не прихлопнуло их навсегда.

Не приходится говорить о том громадном значении для дела успеха революции, какое имело личное руководство Владимира Ильича в последние решающие дни. Вот он бедеседует перед самым выступлением с т.т. Антоновым-Овсеенко, Невским, Подвойским, спорит с ними, преодолевает скептицизм некоторых из них. Вот он на голову разбивает сомнения Шотмана и т. д. Десятки отрывков воспоминаний, зафиксированных в дни празднования Октябрьской годовщины, отчасти опубликованных «Пролетарской Революцией», подтверждают его громадную уверенность в победе, его решительность, энергию.

ЛЕНИН И ЕГО «БОЛЬШЕВИСТСКИЕ» КРИТИКИ.

Октябрьская дата—великая дата. Наша партия, всего несколько месяцев перед октябрем вышедшая из-подполья, должна была с исключительным напряжением поспевать за бешеным ходом исторических событий. Товарищи, только что вышедшие из тюрем, где они, оторванные почти от живой жизни, томились годами, заброшенные в тундры, выбитые из нормальной колеи политической ра-

боты, должны были наспех сплачивать свои ряды, должны были войти в водоворот событий, стать на передовые посты революции. Вот почему основной костяк нашей партии в эти дни и месяцы менее всего думал о сохранении какого-либо исторического наследства, вот почему Владимир Ильич Ленин, исключительно не переносивший всякой позы, менее всего заботившийся об «истории», не оставил нам всего того богатейшего наследства, которое мы вправе были бы получить. Вот почему целый ряд писем, записок Владимира Ильича пропало бесследно для истории партии и революции.

Но эта великая дата Октябрьского переворота, итоги которой мы теперь подводим, к сожалению, не у всех товарищей вытравила желание несколько «подправить» свою историческую роль в прошлом. Если прибавить к вышесказанному то обстоятельство, что память иногда изменяет товарищам, наслаивая, по выражению Троцкого, одни воспоминания на другие, то становится понятным, как трудно подчас бывает разобраться в исторической роли отдельных личностей, как трудно бывает проверить весь воспоминательский материал.

Вот и сейчас, пересматривая некоторые воспоминания, написанные об Ильиче, наталкиваешься на подтверждение правильности характеристи-

ки [1]), данной в свое время о книжке Троцкого— «О Ленине», что эта книжка скорее написана о самом Троцком, чем о Ленине.

Ниже мы остановимся лишь на «большевистской» критике октябрьской позиции Ленина. На критике открытой, имевшей место как-раз в период развертывания событий со стороны «правого» уклона ЦК— в то время в лице Зиновьева и Каменева, критики, так сказать, запротоколированной рядом документов—и на критике, так сказать, скрытой, критике, которая не имеет, правда, каких-либо документов из октябрьского прошлого, говорящих об ошибочности позиции Ильича, но которая в то же самое время в последующих писаниях по поводу октября, является не менее решительной и мы сказали бы, не менее, а даже более злостной—мы имеем в виду в данном случае критику ленинской октябрьской позиции т. Троцкого.

В чем был основной грех позиции Зиновьева и Каменева перед и во время Октября?

Несомненно, одной из серьезнейших ошибок этих товарищей была недооценка соотношения

---

[1]) Эта характеристика, если память нам не изменяет, была сделана т. Каменевым в его статье, по поводу «Уроков Октября».

класовых сил в революции. Это то, что Ленин называет «крикливым писсимизмом»: «у капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо» [1]).

«Когда люди дадут буржуазии запугать себя»,— говорит по поводу их выступления т. Ленин в «Письме к товарищам» [2]), тогда естественно все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, на место политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, международной обстановке в целом, ставят суб'ективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость тоже есть фактор настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати забывают»...

Несколько иначе подходит к этому пессимизму Каменева и Зиновьева т. Троцкий. Он готов видеть в этом «пессимизме» и положительную сторону, поскольку вышеуказанные товарищи, мечтавшие,

---

[1]) Ленин. Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 283.

[2]) См. «Письмо к членам партии большевиков», «Пролетарская Революция» № 10 (69), стр. 291—292.

по его словам, о ликвидации восстания и верившие в формулу социалистического строительства, созданного соглашением партий, взяли на себя роль «парламентеров» перед соглашательскими партиями. Оказывается «эти парламентеры, несомненно, оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага». Вот уже поистине давай сюда и веревочку, хотя бы она была и гнилая! Этот «пессимизм» нужен, оказывается, Троцкому для подкрепления версии о том, что дело спасло не восстание, которое с таким упорством и энергией подготовлял Владимир Ильич, а великолепный ультра-гениальный план Троцкого путем советского прикрытия осуществить «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание. Оказывается, не путем накопления военных сил, не путем восстания удалось обойти правительство Керенского и стоявшие за ним контр-революционные силы, а тем, что «нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов-соглашателей». Конечно, все это хитроумные пустяки, точно так же, как и та «роль революционного пикета», которую, оказывается, выполняли Зиновьев и Каменев, сами того не подозревая в угоду стратегии т. Троцкого.

Другое серьезнейшее обвинение, которое было брошено т. Лениным т.т. Зиновьеву и Каменеву— это питание, как он выражается, «конституционных иллюзий», которые сводилось к беспредельному «ожиданию» Учредительного собрания.—«Подождем, авось дотянем». Вот и весь довод,—иронизирует над ними т. Ленин.—Авось с голодом, с разрухой, с истощением, терпением солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам, с локаутами, авось еще дотянем.

Авось, да небось—в этом вся сила довода».

Несомненно, что вышеуказанный «довод» был не случайным в позиции Зиновьева и особенно Каменева. Он целиком и полностью упирался в ту, очевидно, не изжитую концепцию т. Каменева относительно характера нашей революции, которую он пытался противопоставить т. Ленину еще в период февраля, в период апрельского совещания и фактически на протяжении всей революции, как она развертывалась от февраля к октябрю.

Нужно отметить, однако, что одним краешком эта «иллюзия» захватывала и позицию Троцкого, в отношении оценки им значения II с'езда в деле завоевания власти. Вот почему Владимир Ильич, очевидно, не разделяя в этом вопросе «ультрахитрую» позицию Троцкого, подчеркивает в «Те-

зисах» о лозунге «вся власть Советам»: «надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на с'езд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на раз'яснении массам неизбежности восстания и на подготовке его» [1]).

Не менее решительно подчеркивает т. Ленин эту же точку зрения, бьющую на серьезнейшую организацию военных сил, иронизируя над позицией питания «конституционных иллюзий» и со стороны Троцкого, и со стороны Зиновьева и Каменева, когда он пишет т. Смилге: «Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого (т.-е. не обратив достаточно внимания на организацию военных сил. М. С.) с прекрасными резолюциями и с Советами, но без власти!!» [2]).

Что касается позиции Троцкого, по вопросу об оценке Октября, изложенной им в «Уроках Октября» и в брошюре «О Ленине», она в достаточной степени была разоблачена—и нужно сказать, не без успеха, при участии самих Зиновьева и Каменева в выпущенном в свое время сборнике «За Ленинизм».

Вот что писали там т.т. Зиновьев и Каменев.

---

[1]) Ленин, собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 269.
[2]) Ленин, собр. соч., т. XX, ч. 2, стр. 149.

пришедшие сейчас к троцкизму, так сказать, «со спущенными знаменами». Вот что писали эти товарищи, касаясь октябрьских уроков Троцкого и вот какую общую характеристику, весьма суровую и не совсем несправедливую, давали они ему тогда. Тов. Каменев:

«Троцкому обязательно надо ради своей теории об «анти-революционных чертах» ленинизма, для дискредитирования идеи ленинизма создать внутри большевизма «правое крыло», чуть ли с меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо увязывалось с «перевооружением» большевизма. Как бы хорошо это доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев троцкизмом. Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о перерождении кадров!» [1]).

Тов. Зиновьев:

«Если очистить все наступления т. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной об'ективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем: т. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго больше-

---

[1]) Л. Каменев. «Партия и троцкизм». Сб. статей «За ленинизм». Гиз. 1925, стр. 78.

вистским. Тов. Троцкому, как выразителю этих не большевистских настроений, тесно в пределах старой ленинской тактики. Он искренне убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть не оформленным, различных направлений, фракций и оттенков»[1]).

Эти две характеристики написаны были Зиновьевым и Каменевым, в связи с разбором ими статьи Троцкого «Уроки Октября». Вот почему мы позволяем привести себе эти две характеристики, достаточно ярко характеризующие общий подход т. Троцкого к оценке ленинской позиции, как это сделано им в вышеуказанной статье.

Если, действительно, т. Троцкий кое в чем грешил по части ленинизма, вырываясь из-под тяжелой руки Ильича в Октябрьские дни, то он уже, как будто бы совершенно «закусил удила» после смерти Ильича, в связи с оценкой позиций Ильича в период Октябрьского переворота.

В самом деле, что можно сказать о человеке, который явно пытается изобразить т. Ленина, по выражению того же Зиновьева, каким-то китайским

---

[1]) Г. Зиновьев — «Большевизм или троцкизм». Там же, стр. 139—140.

богдыханом. Что можно сказать о т. Троцком, когда он повествует, что Ленин требовал «немедленной организации восстания независимо от Советов» (подчеркнуто нами. М. С.)? Как видит читатель, никогда и нигде подобного рода ерунды Лениным не писалось.

Версия о «сухом» восстании, пущенная т. Троцким в обиход, сама по себе является, конечно, совершенно пустяковой и нисколько не отвечающей действительности. И тем более она не приносит т. Троцкому лавров, что, в свою очередь, является не более как плагиатом, списанным с полуменьшевистской книженки Суханова. Вот что черным по белому читаем мы там в произведении этого безхребетнейшего интеллигента, малюющего всю революцию через призму собственной расхлябанности и дешевенького скептицизма: «По существу дела переворот совершился в тот момент, когда петербургский гарнизон, долженствующий быть реальной опорой Временного Правительства, признал своей верховной властью Совет, а своим непосредственным начальством—военно-революционный комитет. Такое постановление, как мы знаем, было принято на собрании представителей гарнизона 21 октября. Но этот акт в данной беспримерной обстановке имел, можно сказать,

абстрактный характер. Его никто не принял за государственный переворот».

Совпадение мыслей поразительное за тем только исключением, что Суханов опубликовал их за год до выхода книги Троцкого.

Ну как после этого не вспомнить довольно недурную характеристику, данную т. Троцкому его недавным антиподом, а теперь активнейшим членом троцкистской фракции—т. Зиновьевым, написанную несколько лет тому назад, когда он, останавливаясь на двух характеристиках Ленина и Троцкого писал:

«Если Ленин—классический тип пролетарского революционера, то Троцкий—«классический» тип интеллигентского революционера (мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений). Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет иногда слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой под'ем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности есть именно интеллигентская революционность. Это—герой революции, написанный по Суханову,—недаром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей много-

томной «Истории» сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма» [1]).

Что можно сказать об одном из ближайших соратников Ильича, следующим образом описывающим Ленина в один из наиболее критических моментов взятия власти.

«Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет напрорез и застигнет нас врасплох. Только теперь, вечером 25 октября, он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события» [1]).

«Что можно сказать по поводу подобного рода менторских заявлений Троцкого о позиции Ленина, как «устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—одно, а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав с'езда Советов—совсем другое».

---

[1]) Зиновьев.- «Большевизм или Троцкизм», сборн. «За Ленинизм», стр. 124.

[2]) Троцкий—«О Ленине».

Эти и другие подобного рода пошлости целиком и полностью разбиваются изложенной нами точкой зрения Владимира Ильича на задачи октябрьского восстания. Было бы смехотворным после всего выше сказанного, после приведенных, совершенно исключающих всякие кривотолки, цитат, пытаться еще раз доказывать вздорность утверждений т. Троцкого. Они не только бьют мимо цели, они воочию показывают, что т. Троцкий, вознесенный Октябрьской революцией на передовые позиции нашей партии в момент, когда прошел первый героический этап этой революции, когда партия осталась без Ленина, целиком и полностью отошел от ленинизма.

И этот человек, столько раз менявший свою ориентацию, касаясь в «Уроках Октября» позиции Ленина и партии по вопросу о вооруженном восстании в 1917 г. решается бросить такую сентенцию: «Надо прямо сказать: в поверхностном отношении к вооруженному восстанию сказывается еще неопределенная сила социал-демократической традиции».

Да, ясное дело, по поводу его оценки Октября можно сказать одно: «он ничего не позабыл (—из троцкизма) и ничему не научился» (—из ленинизма)

Цена 20 к.

